
ПУСТАЯ СТУДИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫЖИТЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

Пустая Студия
Мы не должны были выжить

https://litres.ru/74937838
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы не должны были выжить

Пятеро друзей уходят в горы за десять минут до лавины. Снег накрывает всё: озеро, тропу, камень, на котором они поклялись встретиться через десять лет. Они возвращаются домой целыми. И только потом начинают понимать — вернулись не они.

Пустая Студия
Мы не должны были выжить

Глава 1

Глава 1

Глава первая. Десять минут
Часть I. Утро

Илья проснулся за минуту до будильника.

Тело знало. Всегда знало — за минуту, за две, за пять, но никогда по звонку. Женя говорил, что внутри у Ильи сидит швейцарский часовщик, который люто ненавидит будильники. Илья не смеялся. Он вообще не любил, когда препарировали его привычки. Но Женя был прав: часовщик сидел. Тикал. Не давал проспать.

Комната тёмная. Полоска серого света пробивалась сквозь щель в плотных шторах — утро выдалось тяжёлое, будто небо налилось свинцом и не собиралось просветляться до вечера. Илья лежал на спине, смотрел в побеленный потолок и слушал. Сердце. Своё ровное дыхание. Глухой гул города за окном. Скрип рассохшихся половиц в соседней квартире. Чей-то надсадный кашель во дворе.

Двадцать шесть. Возраст, когда ты уже не студент, но ещё ни черта не взрослый. Когда друзья вокруг начинают жениться, а ты стоишь в загсе с букетом и думаешь: «Я к этому вообще не готов». Когда работа вроде есть, но какая-то чужая, не та. Когда мама всё ещё зовёт «сынок», и ты для вида морщишься, делая вид, что тебя это задевает. Хотя нет. Совсем нет.

Телефон на тумбочке завибрировал. Три сообщения от Макса, одно от Артёма, что-то длинное от Егора. Макс строчил коротко, с опечатками и капсом. Артём сыпал дурацкими смайликами. Егор сыпал цитатами. Женя мог молчать трое суток, а потом просто скинуть в чат: «Едем или как?»

Илья не взял трубку. Сначала — встать.

Пол холодный. Всегда ледяной, даже в разгар июля. Старый сталинский дом, толстые доски, никакой изоляции. Бабушка всегда вздыхала: «Зато квартира дышит». Илья никогда не понимал, что это значит. Дом дышал, половицы выли под каждым шагом, окна свистели на сквозняке, и зимой приходилось спать в двух парах шерстяных носков. Но он любил это место. Здесь прошло всё детство. Здесь пахло мамой — крепким чёрным чаем, свежей сдобой, горячим утюгом и чем-то ещё, тонким, неуловимым. Тем, чему нет названия. Но что сразу узнаёшь, если закрыть глаза и глубоко вдохнуть.

Он спустил ноги, натянул носки и прошлёпал в коридор. Из кухни тянуло тёплым жёлтым светом. Слышалось негромкое, немного хрипловатое пение. Мама пела. Она всегда напевала себе под нос по утрам, если настроение было хорошим. Какие-то старые советские песни, которые Илья слышал сотни раз, но так и не выучил до конца ни единого куплета.

— Доброе утро, — сказал он, прислонившись к дверному косяку.

Мама стояла у плиты. Старый синий фланелевый халат — тот самый, с аккуратной заплаткой на локте. Волосы перехвачены заколкой в пучок, пара седых прядей выбилась на лоб. Она обернулась и тепло улыбнулась уголками губ.

— О, явился. Садись давай, каша как раз подошла.

На столе уже стояла тарелка — овсянка, пар столбом, кусок тающего сливочного масла прямо по центру, ложка аккуратно справа. Рядом — пузатая кружка с чаем, крепким, мутноватым от молока. Илья сто раз хотел сказать, что давно пьёт чай чёрным, чистым. Она всё равно лила молоко. Каждый божий раз. Он уже не спорил.

— Ты чего в такую рань подорвалась? — спросил он, придвигая стул. — Пять утра ведь.

— А ты чего? — она повернулась, вытирая руки вафельным полотенцем. — Думал, я дрыхнуть буду, пока единственный сын в горы собирается? Пирожки вон, на подоконнике, в пакете. Всё с собой заберёшь.

— Мам, ну куда мне столько... У нас багажник и так под завязку.

— Куда надо. В горах холодина собачья. Горячего там днём с огнём не найдёшь. Я тебе ещё суп в термос налила. И носки шерстяные положила. Две пары.

Илья шумно выдохнул в кружку. Диалог был знаком до последнего слога. Мама каждый раз провожала его так, будто ему снова пять лет и его на всё лето ссылают в лагерь строгой дисциплины. Носков он обычно брал одну пару — на всякий

случай. Домой неизменно возвращался с двумя, заботливо всунутыми на самое дно рюкзака.

— Мам, мне двадцать шесть лет, на минуточку, — мягко напомнил он.

— И что с того? — она шлёпнула перед ним тарелку с хлебом. — В двадцать шесть у нас законы физики отменяются? Не мёрзнешь больше?

— Не мёрзну.

— Ага, конечно. Помню я твоё прошлогоднее «не мёрзну». Продуло насквозь, потом две недели лёгкие выплёвывал, хрипел как старый трактор.

— Ну это другое было, там дождь зарядил.

— Разговариваешь прямо как либерал на митинге. Всё у него «другое». Ешь давай, остынет.

Он улыбнулся. Мама хмыкнула в ответ. Между ними повисло то привычное, осязаемое спокойствие, которое никогда не требовало лишних слов. Тепло, шедшее вовсе не от чугунной батареи и не от горячей каши, а от самого её присутствия.

Она села напротив, обхватив ладонями свою чашку.

— Надолго вы?

— Дня на три. Может, на четыре, если с погодой повезёт.

— С работой порешал?

— Отгулы взял, шеф подписал.

— Угу, — она сделала маленький глоток. — А Лена как? Объявлялась?

Илья опустил ложку, помолчал, глядя в кружку.

— Нет Лены, мам. Всё.

— Совсем?

— Совсем. Разбежались.

Мама понимающе кивнула. Никаких «а я же говорила», никаких расспросов. Она тонко чувствовала грань и умела вовремя замолчать, давая человеку выдохнуть. Посмотрела в мутное серое окно, потом снова перевела взгляд на сына.

— Горы — это, конечно, хорошо. Воздух свежий. Голова проветрится, дурь вся выйдет, — она сделала паузу, голос стал тише. — Только осторожнее там, ладно? Не дурите.

— Да брось, мам. Всё под контролем.

— Я серьёзно, Илья, — она перестала улыбаться, глаза упёрлись куда-то в раму окна, мимо него. — Я в молодости ездила в Кабардино-Балкарию. С Люськой, подругой моей покойной. Молодые были, кровь кипела, думали — горы по колено, со всем справимся. И лавина сошла. Прямо перед нами, метрах в трёхстах. Мы просто стояли и смотрели, как эта белая стена стирает всё на своём пути — вековые сосны как спички ломало. Выйди мы из лагеря на десять минут раньше... нас бы даже кости собирать не поехали.

Она замолчала, словно воздух в кухне внезапно стал разрежённым. Илья замер с ложкой в руке. Во взгляде матери мелькнуло что-то чужое, древнее, ледяное — будто перед её глазами снова неслась та белая смерть. Но через секунду она моргнула, тряхнула головой, улыбнулась уголком рта, и мо-

рок рассеялся без следа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.